

А. Ф. Шорин, А. А. Шорина
**КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ: НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СОСУДЫ
 С РЕЛЬЕФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ**

УДК 903.23(470.5)"634"

ББК 63.442.14(235.55)

В статье рассматривается керамика с рельефными налепами из комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» в лесном Зауралье. Это самый представительный из всех известных комплексов подобной керамики, насчитывающий 107 фрагментов не более чем от 89 сосудов. Время существования традиции изготовления сосудов с фигурными налепами на памятнике определяется эпохой неолита в рамках кошкинской, кокшаровско-юрьинской и полуденской (в единичных случаях) культурных традиций. Помимо трех сосудов с налипными ручками в виде птиц, барельефные изображения на сосудах создавались путем прикрепления к уже сформированной, но еще неорнаментированной горловине емкости конусовидных кусочков глины, либо методом вытягивания глины в этом месте сосуда пальцами. Так изображалась морда или нос зооморфного или орнитоморфного существа. Дополнительными наколами обозначались глаза и/или рот, но нередко эти детали просто вписывались в основную орнаментальную схему сосуда. Срез венчика над налепом мог быть оформлен выступом либо выделен глубокой насечкой; налеп мог располагаться также под ложбинкой волнистого среза. Определена семантика фигурных изображений в русле прежде всего тотемистических воззрений древних коллективов. Показано распределение фрагментов с такими изображениями по сакральному пространству памятника и их связь с обрядово-культурной сферой деятельности.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, неолитическая керамика, рельефные налепы, орнитоморфные и зооморфные изображения, семантика, культурная практика

Коллекция фрагментов неолитической керамики с рельефными (фигурными) налепами (изображениями), происходящая с зауральского комплекса археологических памятников «святилище Кокшаровский холм — Юрьинское поселение», подвергнута анализу неслучайно. Несмотря на то что фрагменты с подобными изображениями встречаются в эпоху неолита—энеолита (реже — ранних металлов) на значительной территории как Северной Евразии (особенно в лесной зоне севера Восточной Европы и Зауралья, реже — Среднего Поволжья и Западной Сибири), так и Северной Америки, все же в культурных слоях памятников они немногочисленны, а в большинстве случаев единичны.¹ Поэтому коллекция подоб-

ных артефактов, включающая 107 фрагментов² не более чем от 89 сосудов,³ является просто уникальной и аналогов в мире не имеет. За исключением 8 фрагментов, явно происходящих с территории мысовой части Юрьинского поселения,⁴ все остальные связаны с территорией святилища или найдены в непосредственной близости от его границ, т. е. вполне могли быть выброшены как испорченные вещи с сакральной площадки святилища (рис. 1).

¹ См.: Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 26–32; Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Скульптурные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем.

*Шорин Александр Федорович — д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: shorin_af@mail.ru*

*Шорина Анастасия Александровна — м.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: aashor@mail.ru*

Нижний Тагил, 2007. Рис. 1; Жульников А. М. Скульптурные изображения на керамической посуде в контексте связей древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 1. Рис. 1.

² На одном из этих фрагментов изображение передано без фигурного оформления — исключительно наколами по краю венчика (рис. 2, 3).

³ Учитываются и материалы, найденные исследователями во время раскопок А. И. Россадович (1950–1960-е гг.) и А. С. Литвяка (1989–1990 гг.). Материалы хранятся в фондах Нижнетагильского музея-заповедника и полностью опубликованы, см.: Бунькова А. А. Керамика с фигурными налепами из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Тагил. Вестн.: Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация: историко-краеведческий альманах. Вып. 6. Нижний Тагил, 2010. С. 202–203.

⁴ Из них 6 найдены в раскопе 2011 г. А. А. Шориной. Об обнаружении в раскопе середины XX в. еще двух таких фрагментов упоминает В. Ф. Старков, но их рисунки не опубликованы. См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 68.

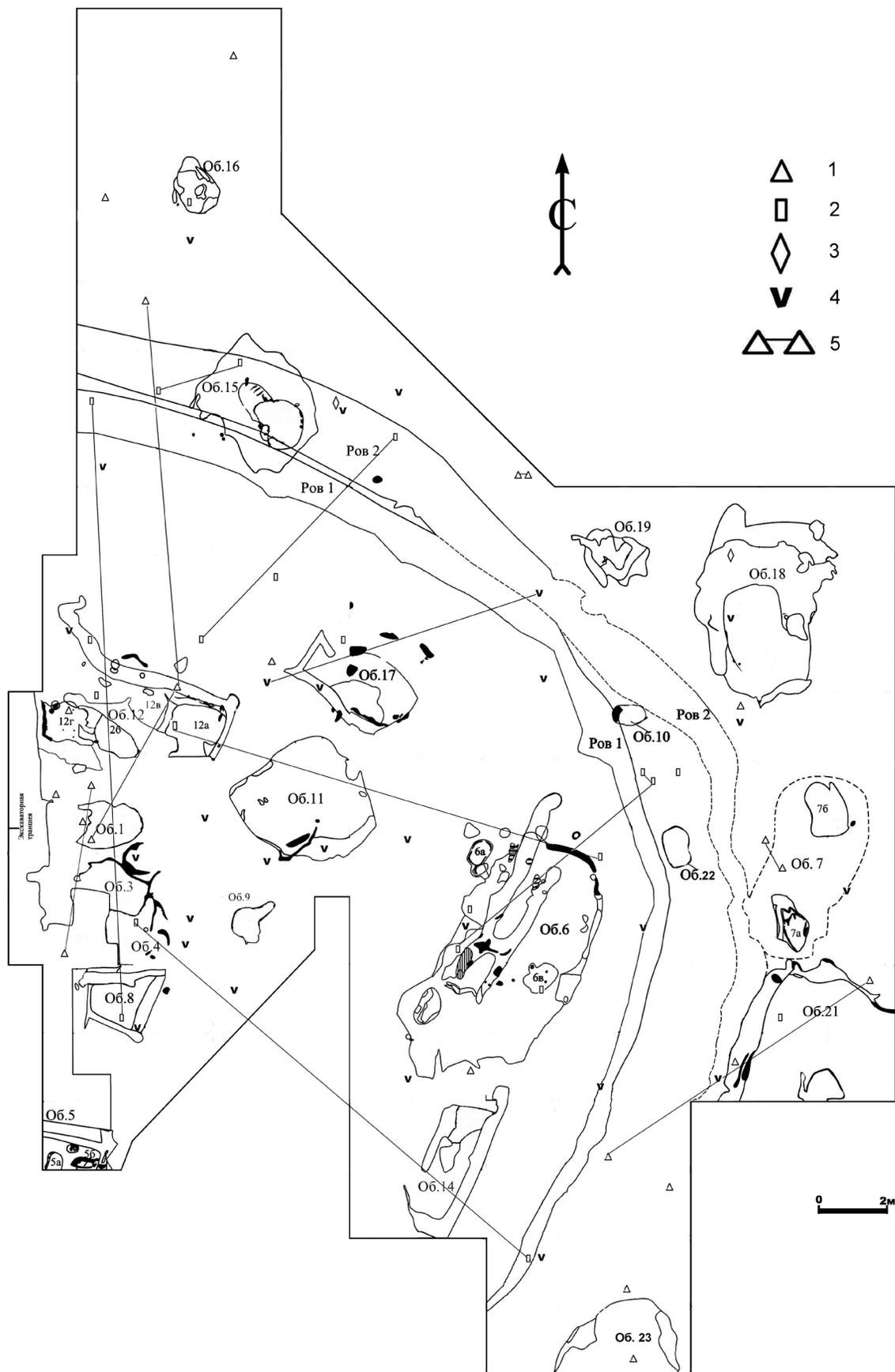

Рис. 1. Кокишаровский холм. Распределение керамики с рельефными налпами в раскопах
 1 — кокишаровско-юринский тип; 2 — кошкинский тип; 3 — полуденский тип; 4 — фрагменты керамики,
 культурная принадлежность которых не определена; 5 — связь фрагментов от одного сосуда

Комплекс памятников «святилище Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» расположен в лесной зоне Среднезауральского пенепплена в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области. Кокшаровский холм — искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м и высотой до 3,5 м, которое было возведено несколькими приемами на береговом мысу Юрьинского озера в центре крупного, площадью около 16 тыс. м², неолитического поселения. В культурных слоях этих памятников фиксируются комплексы артефактов сменяющих друг друга археологических культур региона: на раннем этапе неолита — кошкинской и кокшаровско-юрьинской (рубеж VII и VI — рубеж VI и V тыс. до н. э. в калиброванных значениях радиоуглеродных дат), на позднем — полуденской и басыановской (рубеж VI и V — середина V тыс. до н. э.). Помимо неолитических, на святилище отмечены находки эпохи энеолита (последняя четверть V тыс. до н. э.), бронзового века (середина — вторая половина II тыс. до н. э.) и батырской культуры второй половины I тыс. н. э. Структура сакрального пространства и серия артефактов позволяют рассматривать Кокшаровский холм как святилище высокого статуса, обслуживающее население, вероятно, не только Юрьинского озера, но и неолитических поселков более широкой округи.⁵

По оформлению рельефных налепов из коллекции резко выбиваются три экземпляра. Первый представлен фрагментом верхней части сосуда; второй — целым миниатюрным сосудом (рельефные налепы в обоих случаях играют и роль ручек сосудов); третий только глиняной головкой уточки, форма которой не исключает ее первоначальной функции ручки сосуда.

На фрагменте верхней части сосуда, скорее всего, ладьевидной формы имеется налеп в виде длинного изогнутого утиногo клюва⁶ (рис. 2, б). Длина уплощенной ручки-налепа — около 3,5 см, ширина в районе головы — около 2 см, в районе клюва — около 1 см. Толщина налепа — от 3 см на кончике клюва до 20 см в районе головы. Ручка-налеп изящно изогнута при переходе головы в клюв утки, что делает налеп с эстетической точки зрения крайне привлекательным, а с бытовой — удоб-

ным для удерживания сосуда. Фрагмент орнаментирован как с внешней, так и с внутренней стороны. На внутренней стороне по срезу горловины от затылочной части головы утки прочерчиванием тонкой палочкой нанесен узор в виде сдвоенных диагональных линий, расходящихся в разные стороны; на внешней — узор из диагональных линий, нанесенных той же палочкой и по тем же орнаментальным канонам, но от основания передней части головы птицы, который полностью покрывает весь фрагмент. Видимо, с внешней стороны сосуд был орнаментирован полностью или в большей части. Подобная орнаментальная схема более свойственна скорее кошкинской, нежели кокшаровско-юрьинской, культурной традиции. Поэтому, хотя сосуд и найден почти на дне верхнего, кокшаровско-юрьинско-полуденского, котлована, впущенного в ранний, кошкинский, котлован жилого объекта 21,⁷ расположенного на мысовой части Юрьинского поселения, но сразу же за рвами, отделяющими сакральное пространство святилища от профанного (жилого) поселения (см. рис. 1), мы считаем все же более вероятной кошкинскую, а не кокшаровско-юрьинскую атрибутику этого сосуда. На памятниках эпохи неолита сосуды со столь ярким объемным орнитоморфным изображением пока не встречались. Ближайшие аналогии этому сосуду, в частности по стилистическим особенностям передачи головы утки, можно усматривать среди деревянной посуды в виде ковшей, ложек (немногочисленные находки происходят с торфяниковых памятников эпохи неолита — ранней бронзы той же лесной зоны Зауралья, а также Восточной и Северной Европы).⁸

Миниатюрный неорнаментированный сосуд с рельефной ручкой-налепом (рис. 3, 10) найден в заполнении кошкинского жилища 18 (см. рис. 1), которое расположено в пойменной части памятника, но вплотную примыкает ко рвам, вырытым по подошве мыса в качестве маркера между сакральным пространством святилища и профанным (жилым) пространством

⁵ См.: Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

⁶ Благодаря такой форме клюва изображение ближе всего к дикой утке-пеганке.

⁷ См.: Шорина А. А. Стратиграфическое распределение неолитических керамических комплексов Юрьинского поселения (по материалам объекта 21) // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября 2015 г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 110–112.

⁸ См.: Кашина Е. А., Чаиркина Н. М. Деревянная посуда с наверхиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 157–169.

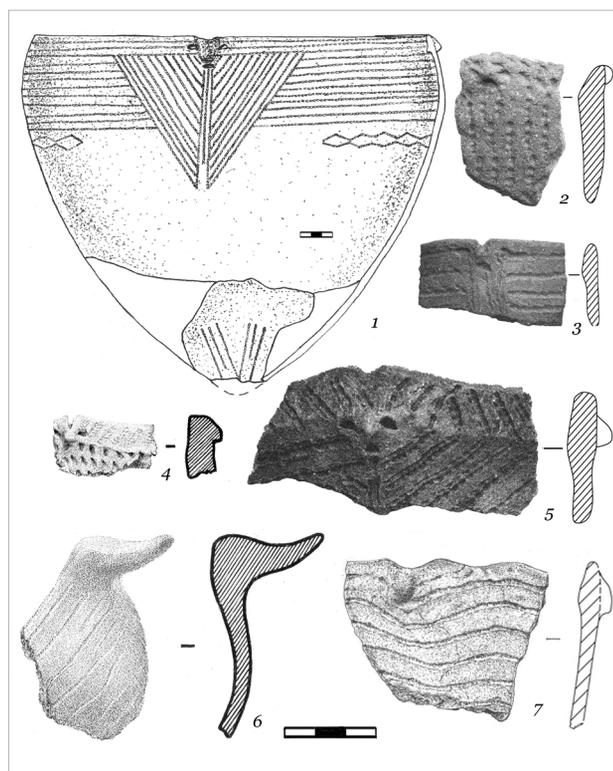

Рис. 2. Керамика с рельефными налпами Кокшаровского холма и Юрьинского поселения

поселения. Сосуд овальной формы размером $2,0 \times 1,5 \times 1,3$ см. Емкость же полости сосуда еще меньше — $1,3 \times 0,85 \times 0,85$ см, т. е. всего около 1 см^3 . Из одного с сосудом куска глины пальцевым сжатием с боков вылеплена ручка сосуда в виде отростка изогнуто-крючковой формы длиной 7 мм и толщиной 2–5 мм. Малый объем сосуда делает маловероятным его хозяйственное использование. Перед нами либо игрушка, либо, вероятнее всего, культовый предмет, который мог применяться в обрядовых действиях, тем более что в перевернутом положении сосудик вызывает ассоциации с головой хищной птицы, возможно совы или филина. Он мог использоваться, например, для разлива (раздачи) каких-то особо значимых ритуальных напитков, благовоний или для чего-то подобного.

Наконец, третий предмет является, скорее всего, обломком ручки какого-то глиняного, вероятно, с массивными стенками сосуда. Эта ручка оформлена в виде овального ($2,5 \times 2,0$ см) стержня длиной 3 см, имеющего явную ассоциацию с головкой утки (рис. 3, 9). Длинный клюв ее, около 1,5 см, уплощен, как, например, у кряквы. Поделка найдена на самом краю мыса в пределах сакральной площадки святилища рядом (в 40 см к северу) с кошачьим объектом 12 (см. рис. 1), но, прав-

да, в верхнем насыпном слое, не более чем в 50–70 см от современной поверхности.

Видимо, сходный сосуд с ручкой-уточкой встречен в андроновском (федоровском) захоронении эпохи бронзы памятника Тартас-1 в Венгеровском районе Новосибирской области.⁹ Подобными обломленными ручками сосудов могли быть и некоторые из поделок с памятников эпохи неолита–энеолита северо-востока России и Финляндии, опубликованные Е. А. Кашиной.¹⁰ В целом же, сосуды с рельефными ручками в виде головок птиц встречаются, хотя и нечасто, в древних культурах как Евразии, так и Америки.¹¹

Барельефные изображения на остальных сосудах Кокшаровского холма, как уже отмечалось в одной из предыдущих статей,¹² наносились в единой иконографии. К краю (или с небольшим отступом от него) уже сформированных, но еще не орнаментированных сосудов прикреплялись конусовидные кусочки глины (рис. 4, 6, 10), либо налп в намеченном месте создавался методом вытягивания глины пальцами (рис. 3, 5, 8). Таким способом изображалась морда или нос существа. Дополнительными наколами могли быть обозначены глаза (рис. 4, 14) и/или рот (рис. 2, 5; 4, 9), причем нередко они вписывались в основную орнаментальную схему сосуда (рис. 3, 7; 4, 10). Единичны случаи обозначения рта сквозным отверстием (рис. 4, 7). Срез венчика над налпом мог быть оформлен выступом (рис. 4, 6, 8, 11) либо насечкой (рис. 2, 4; 3, 1, 5, 8; 4, 10, 13); налп мог располагаться под ложбинкой волнистого среза (рис. 2, 7), что, возможно, символизировало уши животного или крылья птицы. У двух фрагментов вдоль волнистого края горловины

⁹ См.: Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты / Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Наглер А., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Новикова О. И., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Мосечкина Н. Н., Васильева Ю. А. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 206–211.

¹⁰ Кашина Е. А. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. Рис. 1–4.

¹¹ См., напр.: The Eneolithic Settlement and Necropolis of Sultana-Malu Roşu (Southern Romania) / Andreescu R.-R., Cătălin Lazăr C., Ignt T., Moldoveanu K. // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. Fig. 6, 6; Hepp G. D. Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico. Tallahassee, 2007. P. 179. № 32.

¹² Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Указ. соч. С. 22–23.

сформован (выдавлен) валик V-образной формы, заканчивающийся утолщением, налепом. Таким способом еще четче передавалось изображение птицы в полете (рис. 4, 2, 12). Размеры изображений по ширине и высоте варьируются в диапазоне от 6 до 26 мм.

Большинство фигурных изображений (78 сосудов) располагается на лицевой стороне; в 6 случаях — на внутренней (рис. 3, 1, 5, 8; 4, 8, 15), причем при таком расположении треть налепов не имела проработки деталей морды — глаз и рта (рис. 3, 5, 8). На одном сосуде изображение передано с двух сторон: с лицевой — наколами, с внутренней — налепом в сочетании с наколами (рис. 3, 6).

Из-за сильной фрагментации говорить о том, сколько фигурных изображений могло быть помещено на один сосуд, достаточно сложно. От подавляющего большинства таких сосудов найдено только по одному фрагменту. Однако 10 среди изученных сосудов имели не менее двух изображений, 1 сосуд — не менее трех, 3 сосуда — не менее четырех фигурных налепов. При этом изображения могли располагаться как отдельно друг от друга, так и в связке из двух размещенных вплотную друг к другу налепов¹³ (такая ситуация отмечена на трех сосудах Кокшаровского холма). Один из этих сосудов представлен тремя фрагментами: на одном сохранились два рядом расположенных налепа, на двух других — только по одному. Однако высока вероятность того, что налепы также были сдвоенными, т. е. на сосуде могло располагаться до 6 изображений одновременно.

Все изображения относятся к эпохе неолита, однако встречаются на сосудах разных культур. На первом этапе изучения Кокшаровского холма А. Ф. Шорин все фрагменты керамики с фигурными налепами связал с кокшаровско-юринской (козловской) культурной традицией.¹⁴ С накоплением материала в коллекции памятника было выделено несколько налепов на керамике кошкинской культуры.¹⁵ В настоящее время можно говорить о фиксации налепов на сосудах как кошкинской (17 сосудов, рис. 2, 1, 7; 3, 2) и кокшаровско-

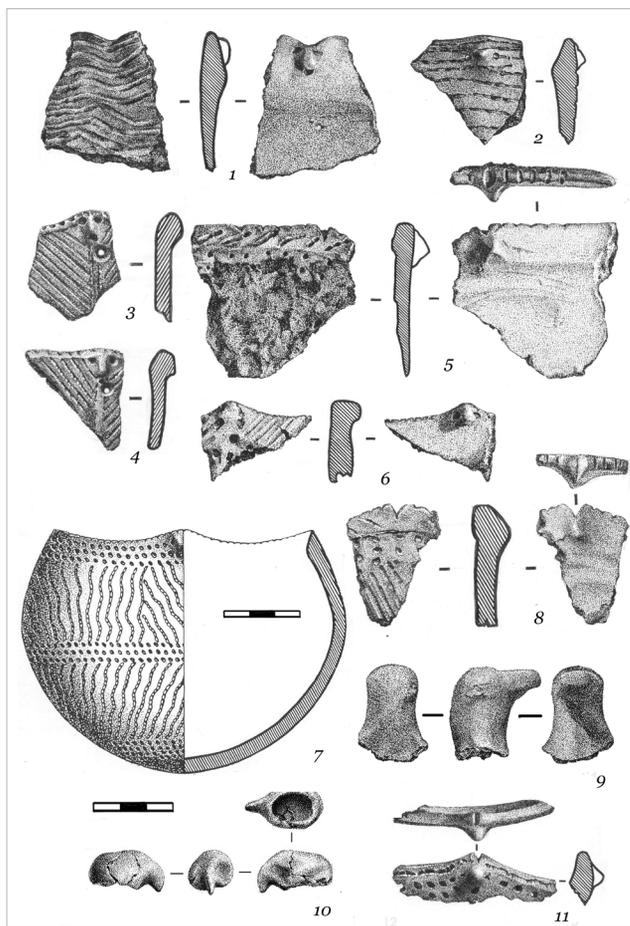

Рис. 3. Керамика с рельефными налепами Кокшаровского холма и Юрьинского поселения

юринской культур (24 сосуда, рис. 2, 5; 3, 7; 4, 1, 3), так и полуденской культуры (4 сосуда, рис. 2, 2).

Каких-то особых стилистических особенностей в передаче барельефных изображений на посуде разных культурных типов не выявлено. Пожалуй, только на кокшаровско-юринской посуде, в силу того что орнамент наносился преимущественно в технике крупного отступающего накола, глаза и рот морды вписаны в общую орнаментальную схему сосуда (рис. 3, 7, 11) чаще, чем на кошкинской (рис. 3, 3, 4; 4, 4, 5, 7, 10) и полуденской (рис. 2, 2) посуде.

Остальные сосуды представлены слишком маленькими для анализа фрагментами, что не позволяет однозначно определить их культурную принадлежность. Однако орнаментальные схемы, выполненные в накольчатой или отступающе-накольчатой технике, свидетельствуют о принадлежности этих мелких фрагментов к сосудам кокшаровско-юринской или кошкинской культуры (какой именно, определить сложно). Покажем это на примере реконструированного полностью сосуда с рельефным налепом (рис. 2, 1), найденного

¹³ Там же. Рис. 12, 1, 2.

¹⁴ См.: Шорин А. Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налепами Кокшаровского холма // III Берсовские чтения. К 95-летию А. А. Берса и 90-летию Е. М. Берс: материалы науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, сентябрь 1997. Екатеринбург, 1999. С. 42.

¹⁵ См.: Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Указ. соч. С. 22; Бунькова А. А. Указ. соч. С. 202–203.

в объекте 6, который раскопан в восточной части сакральной площадки святилища (см. рис. 1).

Зона под налепом на этом сосуде оформлена в отступающе-накольчатой технике в виде двух зеркально симметричных прямоугольных треугольников, внутреннее пространство которых заполнено диагональными прямыми линиями, выполненными параллельно их гипотенузам. Треугольники отделены друг от друга вертикальной прямой линией (ось симметрии), проведенной от самого налепа вниз почти на всю высоту треугольников. Такое деление орнаментального поля в районе рельефного выступа одной или несколькими вертикальными линиями на две подзоны первоначально воспринималось нами как характерная черта кокшаровско-юринской орнаментальной традиции,¹⁶ т. е., если бы найден был не весь сосуд, а только эта его верхняя часть, то предмет, без сомнения, был бы отнесен нами к кокшаровско-юринскому культурному типу.¹⁷ Но остальные элементы орнаментальной композиции в верхней части сосуда, в которую включена описанная выше фигура под налепом, представлены 12 горизонтальными линиями, что свойственно «классической» кошкинской орнаментальной схеме, как и украшение сосуда не сплошь, а только в верхней зоне горловины, а также у дна — расходящимися от основания дна лучами.

Не вызывает сомнения и принадлежность самого объекта 6 кошкинской культуре,¹⁸ так как помимо описанного развала сосуда, в нем были найдены скопления керамики еще более чем от 10 развалов кошкинских сосудов, по двум фрагментам одного из которых получены радиоуглеродные даты (Kі-16386: 7610 ± 80 ВР, 1s 6530–6380 ВС, 2 6610–6330 ВС и Kі-16424: 6830 ± 90 ВР, 1s 5800–5630 ВС, 2 5900–5600 ВС).

Развал сосуда со сходным оформлением зоны под налепом зафиксирован и в объекте 12 кошкинской культуры (рис. 4, 7), однако сохранность фрагментов не позволяет провести реконструкцию сосуда и восстановить его орнаментальную схему полностью.

Возвращаясь к возможной атрибутике мелких фрагментов с рельефными налепами в рамках прежде всего кокшаровско-юринской и кошкинской культурных традиций, отметим и тот факт, что большая их часть найдена на сакральной площадке святилища и в объектах, оставленных здесь носителями этих культурных традиций. Так, сосредоточение кокшаровско-юринской керамики с налепами фиксируется в районе объектов 1–4 центральной части холма (см. рис. 1). В объекте 3 найден и целый сосуд кокшаровско-юринского типа. Несколько развалов сосудов данной культуры, в том числе один реконструируемый сосуд с налепом (рис. 3, 7), найдено на площадке в восточной части мыса, условно обозначенной как объект 7, которая вплотную примыкает ко рвам, но находится все же за пределами сакральной площадки святилища (см. рис. 1). Фрагменты кошкинской керамики с налепами зафиксированы в объектах 6, 12 и 15 (см. рис. 1), где также найдены целые сосуды кошкинской культуры. Фрагменты обоих культурных типов фиксировались и в заполнениях рвов, а также в пойменной части памятника, куда выкидывались вышедшие из употребления артефакты с мысовой сакральной зоны святилища. В пойме, а также на мысовой части Юринского поселения за пределами этой зоны найдены и немногочисленные фрагменты четырех сосудов с рельефными налепами полуденской культуры (рис. 1; 2, 2).

Вопрос семантики фигурных изображений по краям сосудов остается открытым: они трактуются как зооморфные, орнитоморфные или антропоморфные. Изображение на сосудах только морды, причем часто с очень слабой детализацией, не позволяет точно определить, кто здесь представлен. Вероятнее всего, что разные сосуды несут в себе разные образы. Но большая часть сосудов с налепами с Кокшаровского холма, по нашему мнению, все же содержит зооморфные и орнитоморфные символы. Определить зооморфные образы до вида сегодня не представляется возможным. Лучше «читаются» орнитоморфные изображения. Две рельефные ручки-головки птиц интерпретированы нами как изображения уток (рис. 2, 7; 3, 9). Миниатюрный неорнаментированный целый сосудик (см. рис. 3, 10), особенно в перевернутом виде, как уже отмечено, напоминает хищную птицу (сову, филина). На двух сосудах, вдоль волнистого края горловины которых сформован (выдавлен) валик

¹⁶ См.: Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Указ. соч. С. 23.

¹⁷ Сегодня очевидно, что членение горизонтальной зоны под налепом на горловине сосуда на вертикальные подзоны обычно вертикальными линиями свойственно примерно трети сосудов как кокшаровско-юринского (рис. 4, 6), так и кошкинского (рис. 2, 1; 3, 3, 4) типов.

¹⁸ См.: Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических объектов Кокшаровского холма и Юринского поселения // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург. В печати.

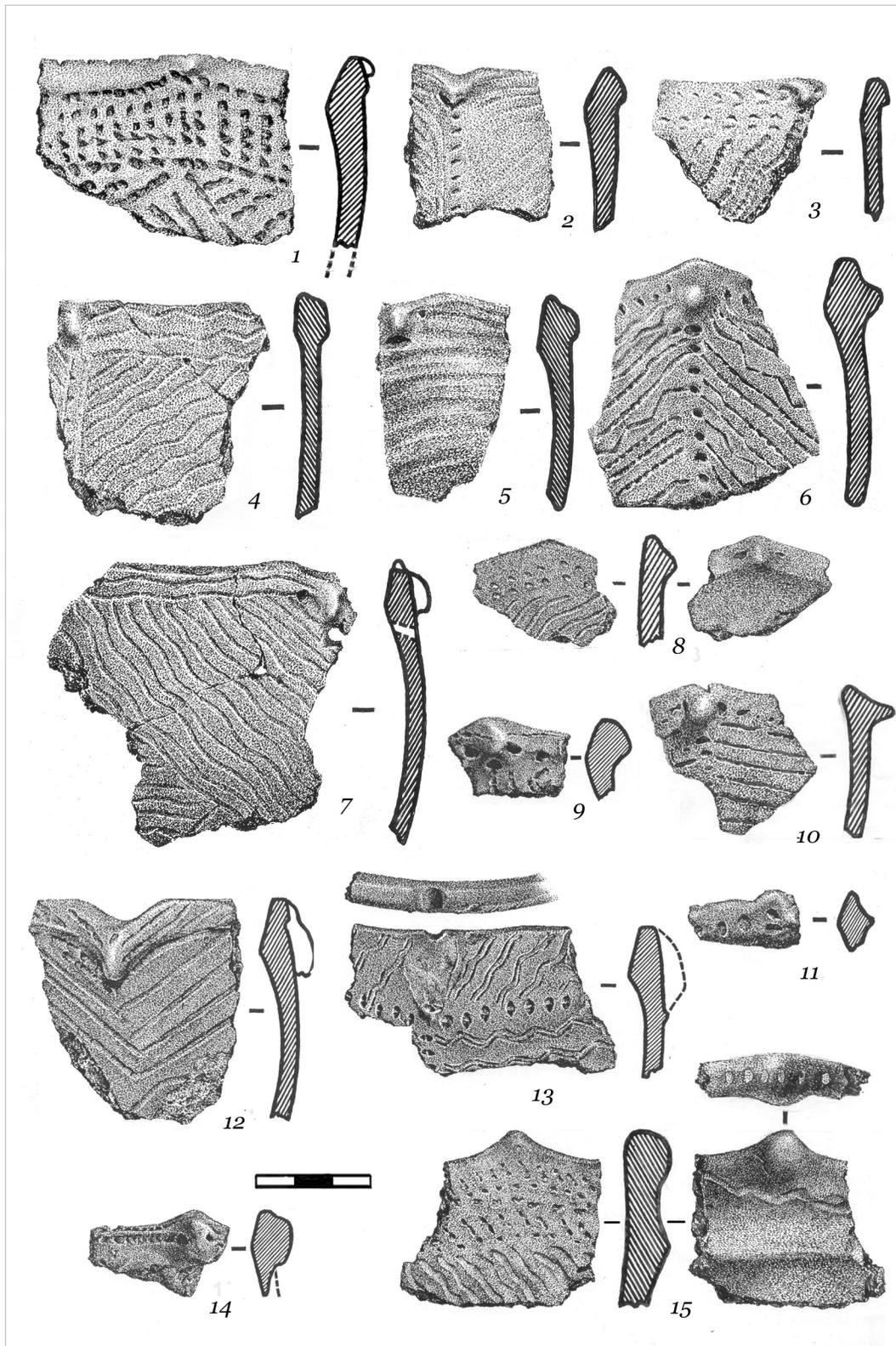

Рис. 4. Керамика с рельефными напеми Кокишаровского холма и Юрынского поселения

V-образной формы, заканчивающийся утолщением-налепом, представлены, вероятно всего, изображения птицы в полете (см. рис. 4, 2, 12). В этой связи интересно отметить, что орнитоморфная культовая символика присутствует и на святилищах XIX–XX вв. коренного населения региона. Так, на мансийском святилище Халев-Ойки отмечено изображение в виде силуэта парящей птицы с добычей в клюве, вырубленное на оконечности жерди, которой придана антропоморфная форма. Помимо этого, на жердь раньше была насажена и объемная серебряная фигурка, изображающая чайку с расправленными крыльями.¹⁹ На святилищах хантов среди прикладов встречаются фигурки гуся, который нередко изображался с раскрытыми крыльями,²⁰ а у ненцев — мифическая птица минлей (изображалась в виде летящей водоплавающей птицы), которая являлась помощником шамана при его полете в Верхний мир.²¹ Вообще, образ птицы, особенно водоплавающей, у коренных народов Урала играет исключительную роль и в сюжетах, связанных с мифологической картиной мира.

Сосудам с фигурными налепами практически всеми исследователями приписывается особая культовая, ритуальная роль. Обычно подчеркивается связь изображения с тем тотемным животным, в жертву которому приносились дары,²² а также с первопредками или богами-демиургами.²³ Выдвигаются предположения о необходимости разделения сосудов для мясной и рыбной пищи,²⁴ об охранной функции изображений на сосудах. При этом, по мнению Ю. Б. Серикова, обращенная наружу морда охраняет сосуд от вредоносного внешнего воздействия, в то время как обращенная внутрь — охраняет мир от опасного содержимого сосуда.²⁵ Об охранной функции таких сосудов в свое время писала и В. И. Мо-

шинская.²⁶ Ею, а также А. М. Жульниковым подчеркивалось преобладание на таких сосудах налепов, обращенных внутрь емкости.²⁷

Что касается анализируемой коллекции, то нам трудно определить истинные цели изготовления таких сосудов. Отметим, пожалуй, бесспорные обстоятельства: 1) сосуды явно были ритуальными, 2) в коллекции однозначно преобладают сосуды, налепы на которых выполнены на внешней стороне горловины, 3) среди образов, переданных этими рельефными налепами, есть образ птицы (водоплавающей — почти однозначно хищной — с известной долей сомнения). Возможно, что это были преимущественно тотемные образы, но их многообразие, в силу схематичности изображений на сосудах, вряд ли удастся восстановить.

Факт нахождения сосудов с подобной и даже идентичной стилистикой рельефных изображений, хотя и в единичных экземплярах, еще на ряде памятников среднеуральского региона (Усть-Вагильский²⁸ и Махтыльский²⁹ холмы, Полуденка I,³⁰ Исетское Правобережное,³¹ Чашиха³² и др.), безусловно, ставит неолитическое население лесной зоны Зауралья в ряд пионеров этой особой традиции. Хотя традиция эта существовала длительное время и на значительной территории севера Евразии и Америки, где могла возникнуть как конвергентно, так и в результате заимствований, она явно была связана не с повседневной, а с обрядово-культовой (сакральной) сферой деятельности первобытных коллективов. И среди этих первобытных коллективов неолитические насельники комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» оставили нам самую представительную в мире коллекцию подобных артефактов.

¹⁹ См.: Гемуев И. Н. Святилище Халев-Ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 79–80.

²⁰ См.: Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск, 1995. С. 138.

²¹ См.: Лар Л. А. Культовые памятники Ямала. Хабида я. Тюмень, 2003. С. 85, 101.

²² См., напр.: Ковалева В. Т., Цапко Ю. Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // Вопр. археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 21.

²³ См.: Жульников А. М. Указ. соч. С. 16.

²⁴ См.: Мошинская В. И. Указ. соч. С. 32.

²⁵ См.: Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014. С. 61–62.

²⁶ См.: Мошинская В. И. Указ. соч. С. 26–32.

²⁷ Там же. С. 26–29; Жульников А. М. Указ. соч. С. 13.

²⁸ См.: Панина С. Н. Рельефные и графические изображения личин под венчиками сосудов эпохи неолита Усть-Вагильского холма // Вопр. археологии Урала. Екатеринбург, 2011. Вып. 26. С. 141–144.

²⁹ См.: Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопр. археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 107–119.

³⁰ См.: Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА. 1984. № 1. С. 229–235.

³¹ См.: Кернер В. Ф. Исетское Правобережное I // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 256–257.

³² См.: Ковалева В. Т., Арефьев В. А. Указ. соч.

Alexander F. Shorin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *shorin_af@mail.ru*

Anastasia A. Shorina

Junior Research, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *aashor@mail.ru*

KOKSHAROV HILL: NEOLITHIC VESSELS WITH RELIEF IMAGES

The article is a study of ceramics with relief sculptures decorations from the group of sites “Sacred Place Koksharov Hill — Yurjino Settlement” in the forest Trans-Ural. This is the most representative of all so far known complexes of this type of ceramics, consisting of 107 fragments from no more than 89 vessels. The period of existence of the tradition of vessels with sculptured decorations at the site was estimated as the Neolithic within the boundaries of the Koshkino, Koksharov-Yurjino and the Poludenskaya (isolated items) cultural traditions. In addition to the three vessels with bird shaped stick-on handles, the bas-relief images on vessels were made by means of sticking to the already shaped but not yet ornamented neck of a vessel of clay cones, or by means of finger pulling raw clay in these places. In this way a muzzle or a nose of a zoomorphic or an ornitomorphic creature was made. Additional pinpricks indicated eyes and/or mouth, however quite often these details were simply inscribed into the main ornamental pattern of a vessel. The collar cut under a sculptured decoration could be shaped as a ledge or emphasized with deep cuts; the sculptured ornament could also be placed under the wavy cut depression. The semantics of sculptured images has been defined primarily within the context of totemic beliefs of ancient communities. The author demonstrated the distribution of fragments with these type of images across the sacral space of the archeological site and their relation with the religious and ritual practices.

Keywords: *Middle Trans-Ural, Neolithic ceramics, relief naleps, ornitomorphic and zoomorphic images, semantics, cult practice*

REFERENCE

- Andreescu R. R., Cătălin Lazăr C., Ignt T., Moldoveanu K. *The Eneolithic Settlement and Necropolis of Sultana-Malu Roșu (Southern Romania)*. Zlatnoto peto khilyadoletie. Trakiya i sysednite rayoni prez kamenno-mednata epokha. Sofiya, 2011, pp. 129–142. (in English).
- Arefyev V. A. *Zoomorfnye motivy ofornleniya kraya sosudov so stoyanki Poludenka I* [Zoomorphic motives decoration of edge of vessels from Poludenka I site]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1984, no. 1, pp. 229–235. (in Russ.).
- Bunykova A. A. *Keramika s figurnymi nalepami iz fondov Nizhnetagilyskogo muzeya-zapovednika* [Pottery with figured naleps from funds of the Nizhny Tagil museum-reserve]. *Tagilyskiy vestnik: Istoriko-kulturnoe nasledie rodnogo kraya: izuchenie, sokhranenie i populyarizatsiya: Istoriko-kraevedcheskiy alymanakh* [Tagil vestnik: Historical and cultural heritage of the native land: studying, preservation and promoting: Local history almanac]. Issue 6. Nizhniy Tagil: NTGSPA Publ., 2010, pp. 193–208. (in Russ.).
- Gemuev I. N. *Svyatilishche Khalev-Oyki* [Halev-Oyki Sanctuary]. *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [World view of the Finno-Ugric people]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, pp. 78–91. (in Russ.).
- Hepp G. D. *Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico*. Tallahassee, 2007. 258 p. (in English).
- Karyalaynen K. F. *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra people]. Vol. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. Uni. Publ., 1995. 284 p. (in Russ.).
- Kashina Ye. A. *Nabory lepnykh zoomorfnykh skulptur v neolite-eneolite lesnoy zony Vostochnoy Yevropy i Finlyandii* [Sets of the modelled zoomorphic sculptures in the Neolithic-Eneolithic of the forest zone of Eastern Europe and Finland]. *Mif, obryad i ritualnyy predmet v drevnosti* [Myth, ceremony and ritual subject in the ancient time]. Ekaterinburg, Surgut: Izd-vo “Magellan” Publ., 2007, pp. 125–135. (in Russ.).
- Kashina Ye. A., Chairkina N. M. *Derevyannaya posuda s navershiyami v vide golov vodoplavayushchikh ptits na territorii Zauralya, lesnoy zony Vostochnoy i Severnoy Yevropy* [Wooden dippers with waterfowl-headed

handles from the territory of the Trans-Urals, forest zone of the Eastern and Northern Europe]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2011, no. 7 (10), pp. 157–169. (in Russ.).

Kerner V. F. *Isetskoe Pravoberezhnoe I* [Isetskoye Pravoberezhnoye I]. Ekaterinburg. Entsiklopediya. Ekaterinburg: “Akademkniga” Publ., 2002, pp. 256–257. (in Russ.).

Kovaleva V. T., Arefyev V. A. *O semantike sosudov s relyefnymi zoomorfnyimi izobrazheniyami* [About semantics of vessels with relief zoomorphic images]. *Voprosy arkheologii Urala*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Uni. Publ., 1993, vol. 21, pp. 107–119. (in Russ.).

Kovaleva V. T., Tsapko Yu. G. *Problema evolyutsii khudozhestvennogo stilya i kulytury naseleniya lesnoy zony Urala v kamennom veke* [The problem of evolution of art style and culture of the population of the forest zone of the Urals in the Stone Age]. *Voprosy arkheologii Urala*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Uni., 1998, vol. 23, pp. 4–28. (in Russ.).

Lar L. A. *Kulytovyye pamyatniki Yamala. Khabidiya ya* [Religious monuments of Yamal. Hebidya ya]. Tyumeny: Izd-vo IPOS SO RAS Publ., 2003. 173 p. (in Russ.).

Molodin V. I., Khansen S., Mylnikova L. N., Nagler A., Kobeleva L. S., Durakov I. A., Yefremova N. S., Novikova O. I., Nesterova M. S., Nenakhov D. A., Kovyreshina Yu. N., Mosechkina N. N., Vasilyeva Yu. A. *Arkheologicheskie issledovaniya mogilynika Tartas-1 v 2011 godu: osnovnye rezulytaty* [Archaeological researches of a burial ground Tartas-1 in 2011: main results]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy: Materialy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2011 g.* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories: Materials of a total session of Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science of 2011]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAS Publ., 2011, vol. 17, pp. 206–211.

Moshinskaya V. I. *Drevnyaya skulyptura Urala i Zapadnoy Sibiri* [Ancient sculpture of the Urals and Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 132 p. (in Russ.).

Noskova L. V., Shorin A. F. *Skulypturnye izobrazheniya na neoliticheskikh sosudakh Koksharovskogo kholma* [Sculptural images on Neolithic vessels of the Koksharov Hill]. *Mif i simbol v proshlom i nastoyashchem* [The myth and symbol in the past and the present]. Nizhniy Tagil: NTGSPA Publ., 2007, pp. 22–27. (in Russ.).

Panina S. N. *Relyefnye i graficheskie izobrazheniya lichin pod venchikami sosudov epokhi neolita Ust-Vagilyskogo kholma* [Relief and graphics of masks under nimbuses of vessels of the Neolithic era of the Ust-Vagilsky Hill]. *Voprosy arkheologii Urala*. Ekaterinburg-Surgut: Izd-vo Magellan Publ., 2011, no. 26, pp. 141–144. (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Issues on primitive art of the Urals]. Nizhniy Tagil: NTGSPA Publ., 2014. 268 p. (in Russ.).

Shorin A. F. *O neoliticheskikh sosudakh s zoomorfnyimi nalepami Koksharovskogo kholma* [About Neolithic vessels with zoomorphic naleps of the Koksharov Hill]. III Bersovskie chteniya. K 95-letiyu A. A. Bersa i 90-letiyu Ye. M. Bers. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, g. Yekaterinburg, sentyabry 1997 [The 3rd Bersovsky readings. To A. A. Bers's 95 anniversary and E. M. Bers's 90 anniversary. Materials of a scientific and practical conference, Ekaterinburg, September, 1997]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1999, pp. 42–45. (in Russ.).

Shorin A. F. *Svyatilishche Koksharovskiy kholm v Srednem Zauralye: markery sakral'nogo prostranstva* [Sacred place Koksharov Hill in the Middle-East Ural region: sacred space markers]. *Uralyskiy istoricheskiy vestnik*, 2010, no. 1 (26), pp. 32–42. (in Russ.).

Shorina A. A. *Stratigraficheskoe raspredelenie neoliticheskikh keramicheskikh kompleksov Yuryinskogo poseleniya (po materialam obyekta 21)* [Stratigraphic distribution of neolithic ceramic complexes of Yurjino settlement (based on dwelling 21 materials)]. IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy. 19–23 oktyabrya 2015. g. Khanty-Mansiysk [IV Northern archaeological congress: materials. On October 19–23, 2015 Khanty-Mansiysk]. Ekaterinburg, 2015, pp. 110–112. (in Russ.).

Starkov V. F. *Mezolit i neolit lesnogo Zauralya* [Mesolithic and Neolithic of forest Trans-Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 220 p. (in Russ.).

Zhulynikov A. M. *Skulypturnye izobrazheniya na keramicheskoy posude v kontekste svyazey drevnego naseleniya Vostochnoy Yevropy i Zauralya* [Crockery sculptural images in context of interrelations between Eastern and Trans-Ural population]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2012, no. 1, pp. 12–17. (in Russ.).